

Кому-то и вправду взбрело в голову задать этот вопрос на дворцовом пиру. Было ли это неприятностью для Сяньцзюнь ванфэй или для императора, который пожаловал этот брак? Какие бы слухи ни ходили, император «ничего не знал». Он устроил этот брак, пользуясь положением старшего, не учитывая мнение Сянь Цзюньвана, у которого не было родителей. Если люди в императорском дворце знали о слухах снаружи, не означало ли это, что они обвиняли императора в том, что он выбирает заведомо неподходящие партии?

Хуа Си Ван подняла голову и посмотрела на говорившую. Это была женщина с белой кожей, слегка полноватая. Золотые шпильки в ее волосах ярко вспыхнули, добавляя женщине благородную и слегка угрожающую ауру.

- Госпожа Ли Яо имеет в виду слухи о том, как Цзюньван Е хорошо относится ко мне? - Хуа Си Ван произнесла это с застенчивым выражением лица. - Его высочество и правда хорошо обо мне заботится.

Мужем этой госпожи был бо Цзин Пин [1], чей дед был цзюньваном. Через три поколения им едва удалось сохранить свой титул. И то лишь потому, что сын этого человека пришелся по нраву императору, поэтому его повысили из бо третьего ранга в бо первого ранга. По сравнению с величием поместья Сянь Цзюньвана члены этой семьи могла считаться только бедными родственниками императора. Шпильки госпожи Цзин Пин были явно обычными, а их стиль устарел несколько лет назад. В более богатой семье эту шпильку переплавили бы во что-то более изысканное и отвечающее моде и подарили бы девушкам-служанкам.

Госпожа Цзин Пин не ожидала, что Хуа Си Ван согласится со слухами. Она было открыла рот, собираясь сказать, что это не то, что она имела в виду, но потом заметила странные выражения на лицах окружающих. Даже люди, бывшие с ней в хороших отношениях, бросали на нее косые взгляды. Как бы она не хотела, она не могла продолжать настаивать.

В этом мире никогда не было недостатка в недалеких людях, даже в императорской семье. Хуа Си Ван увидела, что госпожа Цзин Пин отступила, и ей было лень продолжать спорить с ней в такой обстановке. Она сделала вид, что ничего не произошло, улыбнулась всем, кто смотрел на нее, и опустила голову.

Эта улыбка заставила многих людей резко вдохнуть. Некоторым мужчинам, падким на красавиц, даже казалось, что если Хуа Си Ван улыбнется им одним, они будут готовы сделать все, что она захочет.

- Выпей чашу этого чая, он стимулирует пищеварение.

Янь Цзинь Цю приподнял широкие рукава своего одеяния и протянул руку, чтобы налить чай Хуа Си Ван. Таким образом, он закрыл ее от половины взглядов. Его действия были плавными, и чай выгнулся изящной дугой в воздухе, прежде чем точно попасть в чашку. Он не пролил и капли.

Хуа Си Ван взяла чашку с чаем. Хотя чай все еще дымился, сама чашка была прохладной.

Прежде чем поставить чашку на стол, она сделала глоток и оглядела зал.

- Время уже позднее.

Это было время ее сна.

Янь Цзинь Цю понял, о чем думает Хуа Си Ван, поэтому тихо сказал ей на ухо: «Это скоро закончится».

Хуа Си Ван улыбнулась и незаметно наклонила голову, чтобы отодвинуться подальше от рта Янь Цзинь Цю.

Янь Цзинь Цю посмотрел на жемчужную серьгу в ее ухе, улыбнулся и налил себе вина.

Как и предсказывал Янь Цзинь Цю, пятнадцать минут спустя трое самых важных людей императорского дворца один за другим быстро покинули зал. Поскольку хозяева ушли, гости еще немного посидели, прежде чем попрощаться.

Когда Хуа Си Ван и Янь Цзинь Цю уже собирались сесть в экипаж, к ним подбежал слуга из внутреннего дворца с сандаловой шкатулкой в руках и опустился на колени.

- Приветствую Сянь Цзюньвана и Сяньцзюнь ванфэй. Подданный Ян Нэн имеет честь служить в поместье наследного принца. Наследная принцесса, увидев вас, сразу почувствовала, что вы напоминаете ей старого друга, поэтому она приказала мне передать Сяньцзюнь ванфэй некоторые сувениры.

Во время банкета они лишь единожды обменялись приветствиями в самом начале, когда они успели стать друзьями?

Хуа Си Ван посмотрела на сандаловую шкатулку, инкрустированную жемчугом, кивнула и с улыбкой сказала: «Ее Высочество наследная принцесса слишком добра».

Ян Нэн увидел, что Хуа Си Ван не выказала никакого удивления, получив особое обращение от наследной принцессы, и предположил, что хотя эта Сяньцзюнь ванфэй не блистала умом, она была уравновешенной. Он отдал шкатулку личной служанке Хуа Си Ван, Бай Ся, и поклонился.

- Я поступил так, как велела наследная принцесса; тысяча золотых монет не может купить настоящего друга; это величайшее счастье – возможность считать Сяньцзюнь ванфэй своим другом. Эти вещи – просто приятные безделушки в дар для людей, с которыми приятно проводить время, и не стоят упоминания.

Поскольку слуга настаивал на принятии подарка, Хуа Си Ван не стала сопротивляться. Обменявшись еще несколькими любезностями с Ян Нэном, она взобралась на табурет и села в карету.

Когда карета выехала из дворцовых ворот, Хуа Си Ван даже не взглянула на вещи, лежащие в сандаловой шкатулке. Она сказала резким тоном, в котором сквозила ненависть: «Когда мы вернемся в поместье, уберите это подальше и забудьте, как страшный сон». Несмотря на то, что Ян Нэн постоянно упоминал наследную принцессу, она была уверена, что тот, кто послал эти подарки, был не наследной принцессой, а кое-кем другим.

Посылая ей что-то на глазах у Янь Цзинь Цю, этот человек показывал свое превосходство над ним или, наоборот, пытался сделать так, чтобы Янь Цзинь Цю был ею недоволен?

Пытаясь успокоиться, Хуа Си Ван теребила нефритовый браслет на запястье. «Собака», - сказала она с ненавистью, понизив голос.

Янь Цзинь Цю положил руку ей на плечо и слегка рассмеялся.

- Он действительно собака.

Собака, у которой не будет детей.

Он поднял занавеску и выглянул наружу. Карета уже въехала на главные улицы города. Шумные толпы на улицах создавали ощущение благополучия.

- Снаружи красиво?

Янь Цзинь Цю повернул голову и увидел Хуа Си Ван, лениво откинувшуюся на подушки. Хоть она и задала вопрос, на ее лице не было и тени любопытства.

- Радость, гнев, счастье, печаль - там есть всё.

Янь Цзинь Цю опустил занавес и вдруг сказал: «Неужели Си Ван когда-нибудь всерьез задумывалась о том, что в действительности думают эти люди?»

Хуа Си Ван лежала на подушках, и её совершенно не волновал вопрос Янь Цзинь Цю.

- Взгляни в лицо горе - тупа вершина.

А сбоку погляди - гора остра.

Пойдешь навстречу - и она все выше,

Пойдешь назад - и ниже та гора...

О нет, гора свой облик не меняет,

Она одна и та же - в этом суть.

А превращения от того зависят,

С какого места на нее взглянуть [2]. Что Цзинь Цю думает об этом стихотворении?

В глазах Янь Цзинь Цю мелькнул огонек, и он улыбнулся: «Что это значит, Си Ван?»

Хуа Си Ван устроилась поудобнее и лениво продолжила: «Именно то, о чем говорится в стихотворении. Я просто одна из многих людей; я даже себя не могу ясно видеть, и никогда не думала о том, чтобы смотреть на других».

- Си Ван простодушна и прямолинейна. - Янь Цзинь Цю заглянул ей в глаза. - Но задумывалась ли ты когда-нибудь, что пейзаж, открывающийся с вершины, совсем другой?

- Конечно другой, чем выше горы, тем сильнее ветры.

Хуа Си Ван зевнула и сказала с полуприкрытыми глазами: «Если ты однажды соберешься посмотреть достопримечательности, подготовь для меня теплую одежду, не дай мне замерзнуть или проголодаться - тогда я смогу сопровождать тебя».

У Янь Цзинь Цю было озадаченное выражение лица, когда он посмотрел на Хуа Си Ван, отдыхавшую с закрытыми глазами. Мгновение спустя он рассмеялся.

- Ты самый близкий мне человек в этой жизни. Как я могу вынести, чтобы ты терпела лишения и усталость?

Веки Хуа Си Ван шевельнулись, но не открылись.

Экипаж продолжал движение вперед. Под мерное покачивание кареты Хуа Си Ван постепенно погрузилась в сон.

Наследный принц в это время нетерпеливо смотрел на старого дворцового лекаря, который проверял его пульс.

- Я прохожу обследование и ежедневно принимаю лекарства, но не вижу результатов.

Услышав это, императорский лекарь отступил на два шага и опустился на колени.

- Ваше Высочество, у вас слабые почки и печень. Вы не должны употреблять вино. Сегодня...

- Хорошо, кому как не мне знать своё тело. – Наследный принц встал и с мрачным выражением лица посмотрел на старого и трясущегося дворцового лекаря. – Можешь больше ничего не говорить. Уходи.

Лекарь было хотел дать рекомендации, но, увидев, как перекосилось лицо наследного принца, передумал. Наследный принц был в расцвете сил и пользовался большим спросом в некоторых областях. Но, чтобы иметь детей, он должен отдыхать и заботиться о своем теле, меньше пить и воздерживаться от плотских утех. Но наследный принц всегда делал то, что хотел. С его ли положением убеждать такого человека?

Выйдя из внутренних покоев, старый императорский лекарь увидел, что ему навстречу идет жена принца с несколькими дворцовыми слугами. До того, как он закончил кланяться, один из дворцовых слуг принцессы подошел, чтобы поддержать его.

- Императорскому доктору не нужно быть таким вежливым. Как здоровье наследного принца? - по сравнению с отсутствием манер у принца, его жена, напротив, демонстрировала легкость в общении и мягкость в поведении. - Есть изменения к лучшему?

Услышав это, императорский доктор сказал: «Ваше Высочество, Его Высочеству наследного принцу чуть больше двадцати, он находится в самом расцвете сил. Если бы он мог меньше пить и больше отдыхать, это определенно помогло бы».

Услышав это, наследная принцесса велела слугам проводить императорского лекаря Хэ. На ее лице была улыбка, но про себя она вздохнула. Наследный принц был таким, какой он есть, и поскольку он пренебрегал ею несколько раз, она давным-давно потеряла свою власть над другими женщинами во дворце. И как она может убедить наследного принца изменить свое отношение?

[1] бо (𠂇; bó) - граф

[2] стихотворение китайского поэта Су Ши «Надпись на стене храма Западного леса» в пер. Голубева И.С.

<http://tl.rulate.ru/book/5480/277448>